

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)

П Е Д А Г О Г И Ч Е С К И Й И Н С Т И Т У Т
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ПУТЬ-WAY» В
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Выпускная квалификационная работа
студентки очной формы обучения
направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй),
5 курса группы 02051106
Переверзевой Кристины Сергеевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент Дьяченко Т.Д.

Белгород 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Понятие метафоры в лингвистике	5
1.1. Метафора как стилистическое средство.....	5
1.2. Когнитивная/концептуальная метафора, ее природа и свойства.....	12
1.3. Метафора в различных областях человеческого знания.....	18
Выводы по ГЛАВЕ I	25
ГЛАВА II. Концептуальная метафора «Путь–Way» в произведениях Дж.Голсуорси, Ш. Бронте, А. Конан Дойла	26
2.1. Концепт «Путь – Way» в работах лингвистов-когнитологов.....	26
2.2. Природа концептуальной метафоры «Путь – Way».....	29
2.3. Способы актуализации концептуальной метафоры «Путь – Way» в контексте художественной литературы.....	38
Выводы по ГЛАВЕ II	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	55
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	56

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению репрезентации концептуальной метафоры «Путь – Way» средствами английского языка. В рамках когнитивного подхода метафора рассматривается как общий когнитивный механизм, дающий возможность изучать ненаблюдаемые явления, происходящие в сознании человека.

Актуальность исследования связана, прежде всего, с тем, что метафоры относятся к тем объектам научных исследований, природа которых дает постоянный импульс для разработок в разных областях.

Объектом исследования являются лексические единицы и синтаксические структуры, репрезентирующие метафору «Путь – Way» в английском языке.

Предметом исследования является механизм метафоризации в рамках концептуальной метафоры «Путь – Way».

Цель настоящей работы заключается в изучении употребления концептуальной метафоры в англоязычной художественной литературе.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- дать определение языковой метафоре;
- разграничить понятия метафора, когнитивная метафора и концептуальная метафора;
- рассмотреть различные подходы к классификации метафоры;
- дать понятие концептуальной метафоры
- проиллюстрировать реализацию концептуальной метафоры «Путь – Way» в англоязычных художественных произведениях;

Теоретической базой исследования послужили положения когнитивной теории метафоры, разрабатываемые в трудах зарубежных (R. Hoffman, M. Johnson, W. Shibbes) и отечественных ученых (Э.В. Будаева, В.З. Демьянкова,

Е.С. Кубряковой, Л.Г. Лузиной, Ю.Г. Панкраца, Г. Н. Складневской, В. Н. Телии).

Фактическим материалом для исследования послужили языковые реализации метафоры «Путь – Way», получаемые методом сплошной выборки, из англоязычной художественной литературы, а также из электронной базы данных The British National Corpus (BNC).

Характеристика методов исследования.

Теоретические методы: анализ литературы по исследуемой проблеме; обобщение, конкретизация, классификация исследовательских явлений.

Метод сплошной выборки применяется для подбора языковых примеров.

Методы лингвистического анализа: описательный метод, анализ словарных дефиниций, концептуальный анализ, контекстуальный анализ.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

- в лингвистической семиотике: работы Н.Д. Арутюновой.
- в когнитивной теории концептуализации и категоризации: работы: Э.В. Будаева, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Л.Г. Лузиной, Ю.Г. Панкраца, Г. Н. Складневской, Т. Г. Скребцова, В. Н. Телии, Е. Л. Шабанова, М. Johnson и др.;

Апробация. Основные результаты исследования представлены в докладе на студенческой научной конференции, а также в статье, опубликованной по результатам конференции.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. Понятие метафоры в лингвистике

1.1. Метафора как стилистическое средство

Самым распространенным в лингвистике определением метафоры считается следующее определение: «Метафора (метафорическая модель) – возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, поступков, описывающих данные действия, вследствие которого слова (сочетания слов, предложения), созданные для обозначения одних объектов (ситуаций) реальности, употребляются для названия иных объектов (ситуаций) на основании символического тождества, которое приписывается им на основе предикативных признаков» (Глазунова, 2002: 177-178).

При использовании метафоры два понятия о вещах взаимодействуют между собой внутри одного слова либо выражения, значение которого и есть результат данного взаимодействия.

Для образования и, в соответствии с этим, анализа метафоры используется четыре компонента:

- две категории объектов;
- свойства двух категорий;

Метафора отбирает основные признаки одного класса объектов и соединяет их с другим классом или индивидом – актуальному субъекту метафоры. Ещё существует понятие двойственности метафор, когда взаимодействуют два различных класса и их свойства между собой.

Живая метафора на момент ее порождения и осмысления подразумевает взаимодействие двух денотатов, того, что сравнивают, и того, с чем сравнивают, при этом имя последнего становится наименованием первого,

приобретая метафорическое значение. Языковая метафора – это главный фактор в развитии языка. Конкретно она служит прототипом почти всех языковых процессов, к примеру, таких как становление синонимических средств, появление новых значений и их нюансов, создание полисемии, становление эмоционально–экспрессивной лексики (Уилрайт, 1990: 106-108).

Р. Хоффман писал: «Метафора может быть использована в виде орудия описания и объяснения в какой-нибудь сфере: в психотерапевтических разговорах и в дискуссиях между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, практически постоянно обогащает понимание человеческих поступков, познаний и языка» (Hoffman, 1987: 152).

По мнению английского ученого Э. Ортони, существует три причины, по которым метафоры используются в нашей жизни:

Они помогают нам говорить кратко.

Они делают нашу речь яркой.

Они позволяют выражать невыразимое (Ортони, 1990: 215).

Мы часто используем метафоры, потому что они помогают быстро выразить нам мысль, речь становится лаконичной, точной и понятной для всех.

Согласно Н.Д. Арутюновой, можно выделить следующие типы языковой метафоры:

1) *номинативная* метафора (перенос названия), когда заменяется одно значение другим.

2) *образная* метафора, создаётся в результате перехода от идентифицирующего значения в предикатное и служит для развития фигуральных значений и синонимических средств языка;

3) *когнитивная* метафора, возникающая в результате сдвига сочетаемости предикативных слов и создающая полисемию;

4) *генерализующая* метафора, здесь стираются границы лексических значений и логических порядков и, в результате чего, она стимулирует возникновение логической полисемии (Арутюнова, 1998: 366).

Типология метафор М.В. Никитина строится на том, что однообразие признаков в денотатах, которые служат причиной для перенесения имени и соответствующей метафорической перестройки прямого значения, может быть различной природы. В случае если сходство находится в самих аналогически сопоставляемых вещах, то мы сталкиваемся с *онтологической* метафорой: прямой и структурной.

В случае прямой метафоры признаки имеют схожую физическую природу («медведь»: 1. вид животного – неуклюжего 2. неловкий человек), ну а в случае структурной – однообразие носит структурный характер, другими словами признаки играют структурную роль в природе двух денотатов (Ср.: прием пищи, прием гостей, прием информации). В двух вариантах сходство признаков находится и до сопоставления и лишь обнаруживается в нем. Когда признаки сходства присутствуют в сопоставляемых сущностях, но онтологически разны и по физической природе, и по структурной роли, а момент сходства появляется только при восприятии, идет речь о синестезической и эмотивно-оценочной метафорах. Сходство здесь порождается не онтологией вещей, а механизмами переработки информации.

Сходство онтологической (прямой и структурной) метафоры с синестезической состоит в том, что в любом случае, каждый раз по своему, стремятся на базе какого-нибудь сходства обозначить и описать объект сравнения по своим признакам данного объекта. Им противостоит эмотивно-оценочная метафора, предполагающая переключение из когнитивного плана сознания в прагматический (Никитин, 2001: 37-38).

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют два типа метафор: онтологические, другими словами, метафоры, позволяющие видеть события, действия, эмоции, мысли и т. д. как некоторую субстанцию (the mind is an entity, the mind is a

fragile thing), и направленные, или ориентационные, то есть метафоры, не определяющие один концепт в терминах другого, хотя организующие всю систему концептов в отношении друг к другу (happy is up, sad is down; conscious is up, unconscious is down) (Лакофф, 2008: 205).

Выделяют три пути грамматической метафоризации:

- 1) Контраст между грамматическим значением формы и контекстом;
- 2) Контраст между грамматическим значением формы и ее лексическим наполнением;
- 3) Контраст между словарной и внеязыковой ситуацией.

Когда сравнивается лексическая и грамматическая метафоры, метафоризация ограничивается некоторым числом оппозиций и закрытым типом в грамматической системе, а также, грамматические метафоры имеют характеристику однонаправленности, а не наоборот, иногда обратные случаи возможны (Смирнова, 2014).

Метафора — это самый распространённый и значимый *троп*, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений: *Томится бескрылая песня* (А. Фет); *Звёзды — лампы зажжённые* (БЭС, 1998: 685).

Метафора встречается во всех стилях речи, в научном стиле, где актуализируются познавательные функции, а экспрессивность и образность, к примеру, в публицистическом и разговорном.

Она опирается на внешнее и на глубинное сходство явлений, единство их функций, однотипность впечатлений (зрительных, слуховых и др.). Сходства могут быть реалистичными, но могут и приписываться и быть выдуманными. Перенос значений может происходить в предметной области метафоры в неодушевленных или одушевленных сферах и между ними. Если переносятся свойства одушевленного предмета на неодушевленный, то это является разновидностью метафор — олицетворением. Также могут образовываться

гибридные формы метафоры при её наложении на другой троп: гиперболическая метафора, метафорический эпитет и др.

Кроме основной функции в современном языке — образно характеризовать явления действительности, метафора выполняет и номинативную функцию, т.е. функцию названия определенного класса объектов. В этой роли метафора постепенно теряет образность и становится нейтральной единицей языка. Такие метафоры называют языковыми, лексикализованными, привычными, окаменевшими, стёртыми (Балаян, 2006: 135).

Метафора развивается на базе разных частей речи: именная, глагольная, адъективная, (на базе прилагательных). Более распространённые структурные типы метафор — это генитивная метафора (разновидность именной субстантивной) — сочетание двух существительных, в котором собственно метафора заключена в основном слове, а зависимое слово в родительном падеже (генитив — род. падеж) создаёт контекст, который позволяет расшифровать образ; метафорический эпитет (адъективная метафора) — метафора содержится в определении при определяемом существительном в прямом значении, создающем разъяснительный контекст; глагольная метафора развивается у глагола, контекст создаётся соотнесённым с ним существительным (Болдырев, 2007: 3-10).

Метафора широко и без ограничений употребляется в художественных текстах, также любых эстетически наполненных жанрах и речевых проявлениях: газетном очерке, судебной речи, церковной проповеди, политическом выступлении, игровом разговорном диалоге. Также существует большое количество метафор во фразеологизмах, крылатых словах, прибаутках, прозвищах. Так как жанры и виды речи контактируют между собой и переплетаются, в речевой жизни общества может вырабатываться метафорический эталон, разрабатываться сквозная, главная метафора определённого исторического времени. Так, советские десятилетия

характеризуются интенсивной разработкой «военной метафоры»: атака на бесхозьяственность, борьба за передовые технологии, битва за урожай, передний край науки, солдат партии, Парадом развернув / Моих страниц войска, / Я прохожу / По строченному фронту (В. Маяковский).

В официально-деловой речи метафора, имеющая значение двойственности, не характерна. Исключением может являться дипломатический язык. В научной речи метафора тоже играет огромную роль. Здесь является она эффективным приёмом познания. Многие понятия формируются и возникают на основе метафор (корень слова, языковая семья, перенос значения, полётность голоса). Их основой может быть терминологическая метафора (языковая семья — праязык, родственные языки). Метафора в ораторской речи — это сильное средство, которое придает речи большую изобразительность и экспрессивность, однако его использование требует от оратора умений и осторожности: в отличие от поэтической, публицистическая метафора, не должна быть загадкой. Более того, таких метафор не должно быть много, иначе текст будет перегружен образами, что является недостатком устного публичного текста (Матвеева, 2003: 205-207).

Мы можем сказать, что метафора существует во всех понятийных системах людей. Для человека существует огромное множество понятий, которые могут быть абстрактными или совершенно не определяться в опыте (эмоции, идеи, время и т. п.). Но для их понимания у нас возникает необходимость использовать другие концепты, которые осознаются более четко (пространственная ориентация, объекты и т. п.). С помощью метафор мы приходим к понятию концептуальной системы. Мы попытаемся на примерах показать некоторые представления о том, какую большую роль играет метафора в функционировании человека, в способах концептуализации опыта и в речевой деятельности.

Основная масса наших доказательств берется из языка — из значений слов и фраз, а также из сферы того, как люди придают осмысленность своему опыту. Всё-таки ученые, изучающие значение, и составители словарей не считают главным

выявлять общие способы осмысления обычных концептов в терминах таких метафор, как ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, СПОР – ЭТО ВОЙНА, ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ и т. п. Например, если мы посмотрим слово love «любовь» в словаре, мы можем обнаружить огромное количество словарных статей, в которых относятся слова: привязанность, нежность, страстное увлечение и даже сексуальное влечение, но не обнаружим никаких упоминаний того, как постигается любовь с помощью таких метафор, как ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ – ЭТО СУМАШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА и т. п. Если посмотреть в нормативный словарь или любое другое нормативное описание того или иного значения, то мы не сможем определить, можно ли считать такие выражения метафорическими или прямыми.

Анализируя роль метафоры в структурировании национального способа мышления, мы можем сказать, что таким способом отражается осмысление опыта любви в нашей культуре. В переносных значениях других слов мы можем найти косвенное указание на существование таких метафор. Например, упоминание метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО СУМАШЕСТВИЕ может появиться в переносном значении такого слова как crazy «сумасшедший» («неумеренно влюбленный, влюбленный до безумия»), но эта ссылка, скорее, будет одной частью толкования слова crazy, нежели частью толкования слова love «любовь».

Это наталкивает на мысль, что интересы составителей словарей и других специалистов по традиционной семантике могут сильно отличаться от взглядов когнитологов. Последним в основном интересно то, как люди понимают свой опыт. Они рассматривают язык как источник информации, с помощью которого можно выявить основные принципы понимания. А основные принципы понимания, скорее всего, опираются на целую систему концептов, чем отдельные слова или отдельные понятия. Ученые установили, что такие принципы часто метафоричны по природе и предусматривают понимание одного вида опыта в терминах другого (Кокорева, 1990: 49-52).

Имея именно это ввиду, можно обнаружить главное различие между подходом лингвистов когнитивного направления и тем, чем занимаются составители словарей и другие специалисты по традиционной семантике. Было бы очень странно увидеть в словаре «сумасшествие» или «путешествие» как смыслы концепта ЛЮБВИ. Они не могут быть смыслами ЛЮБВИ, как нельзя считать «пищу» смыслом концепта ИДЕЯ. Определения понятия характеризуют то, что внутренне присуще самому понятию. С другой стороны, мы интересуемся тем, как люди используют концепты — как они понимают концепты и как они действуют на основе понятийных систем. Представление о сумасшествии и путешествиях дают нам возможность концептуализовать понятие любви, а представление о пище — понятие идеи (Лакофф, 2008: 148-150).

Далее мы рассмотрим природу и свойства когнитивной/концептуальной метафоры, которые будут представлены в следующем параграфе.

1.2. Когнитивная/концептуальная метафора, ее природа и свойства

В конце 70-х годов языкознание стало интересоваться когнитивными структурами, которые составляют основу языковой компетенции и речевой реализации. Вследствие чего возникло новое направление — когнитивная лингвистика, представляющая собой новый подход к изучению естественного языка, при котором язык понимается как инструмент для организации, обработки и передачи информации и как разновидность способности человека к познанию (наряду с другими когнитивными способностями — памятью, вниманием, мышлением, восприятием). Семантика занимает главное место в этой области, основным объектом ее исследования является значение. Одной из главных теоретических проблем — это соотношение семантики с

действительностью. Основным интересом когнитивных лингвистов сосредоточен в таких явлениях как прототипичность, регулярная полисемия, когнитивные модели и метафора в качестве универсального когнитивного приема. Особое место в когнитивной лингвистике заняла теория метафоры. Метафору в современной лингвистике рассматривают как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. На феномен метафоричности мышления обращали внимание такие ученые, исследователи и писатели как Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие (Будаев, 2007: 16).

Особое место в становлении когнитивной теории отводится к Дж. Лакоффу и М. Джонсону. Именно в когнитивной теории метафора как объект исследования переводится в когнитивно–логическую парадигму и исследуется с точки зрения ее связи с глубинными когнитивными структурами и процессом категоризации мира, Дж. Лакоффом и М. Джонсоном была разработана теория, которая внесла некую системность в описание когнитивного механизма метафоры. Они также привели большое количество примеров, которые подтверждают данную теорию.

Ключевая идея Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит в том, что метафоры как языковые выражения становятся возможны в силу того, что понятийная система человека метафорична в своей основе. То есть осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода – это является главным свойством нашего мышления. «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» (Лакофф, 2008: 67). Развивая свою концепцию, Дж. Лакофф исходил из того, что многие утверждения, которые относятся к метафоре, могут оказаться ложными:

Любой предмет можно понимать буквально, без метафоры.

Самое распространенное употребление метафоры — в поэзии.

Метафоры — только языковые выражения.

Метафорические выражения по своей сущности ложны.

Только буквальный язык может быть правдивым (Лакофф, 2008: 50).

Придерживаясь взгляда Дж. Лакоффа на когнитивную теорию метафоры, основная идея может быть выражена следующим образом: основным процессом метафоризации является взаимодействие двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень, которая сформировалась в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурируют менее понятную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Сфера-источник является более конкретным знанием, легче передается одним человеком другому, основана непосредственно на опыте, когда человек взаимодействует с действительностью, в то время как сфера-мишень – это менее конкретное, менее определенное знание. Базовым источником знаний, составляющим концептуальные домены, является опыт взаимодействия человека с окружающим миром (Лакофф, 2008: 245). Устойчивые соответствия между сферой-источником и сферой-мишенью, фиксированные в языковой и культурной традиции общества, были названы «концептуальными метафорами».

Когнитивная метафора (концептуальная метафора; cognitive/conceptual metaphor) – это одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания (Маккормак, 1990: 362). По своему источнику когнитивная метафора отвечает за способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов (Арутюнова 1988: 154).

При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта посредством другого и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным процессам (областям чувственного или социального опыта).

В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные процессы соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного процесса на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности. При этом один и тот же мыслительный процесс может быть представлен посредством одного или нескольких концептуальных метафор.

В своей теории интеграции М. Блэк описывает какой огромный вклад вносит метафора как когнитивный процесс. Именно М. Блэк ввел понятие «когнитивная метафора» (*cognitive metaphor*), при этом отнеся её к разряду метафоры, роль которой не только сводится к экспрессивной и орнаментальной. По мнению М. Блэка, в основе метафоры находится заимствование идей и изменение контекста, в теории интеракции ссылаясь на постулат А.А. Ричардса. Мысль метафорична, она проходя через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке». Блэк, исследуя мыслительные процессы, которые лежат в основе формирования метафорических значений, приходит к следующему выводу: «механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом ... метафора отбирает, организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта, и устраняет другие» (Блэк,

1990: 167). В результате чего природа метафоры, как М. Блэк считает, в которой происходит взаимодействие семантических пространств, относится к двум различным объектам. Заслугой М. Блэка считается анализ языковой метафоры в рамках мыслительной деятельности, осознания и несводимости ее содержания, который является в языке явным средством номинации. А также метафора рассматривается как динамическое явление, которое, формируясь в движении мысли, развивает концептуальный аппарат языка.

Различают следующие основные типы метафор, задающие аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающие частные метафоры.

1. Структурные (structural) метафоры концептуализируют абстрактные сущности через известные (apple-juice seat – места напротив которых стоит яблочный сок).

2. Онтологические (ontological) метафоры характеризуют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве.

3. Метафора «канал связи/передача информации» (conduit metaphor) представляет процесс коммуникации как движение смыслов, «наполняющих» языковые выражения (вместилища), по «каналу», связывающему говорящего и слушающего.

4. Ориентационные (orientational) метафоры структурируют несколько областей и задают общую для них систему концептуализации; они в основном связаны с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «вверх—вниз», «внутри—снаружи», «глубокий—мелкий», «центральный — периферийный» и др. Так, в английском языке «счастье, здоровье, сознательное, рациональное» описывается через метафору «наверху», «сверху», «вверх» (up), тогда как «несчастье, болезнь, смерть» через метафору «внизу», «вниз» (down).

Метафора «контейнер» (container metaphor) представляет смыслы как «наполнения контейнеров» – конкретных языковых единиц.

Метафора «конструирование» (blockbuilding metaphor) представляет смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из более мелких смыслов (Краткий словарь когнитивных терминов, 1997: 76).

В разных языках одни и те же мыслительные процессы концептуализируются с помощью разных когнитивных метафор. Подробное исследование таких пространств и типов метафор мы находим в (Heine, 1997; Hopper, Traugott, 2003), где эти явления изучаются с точки зрения их значимости для процессов грамматики. Под ними понимаются трансформации конкретных лексических единиц (например, глаголов движения или существительных, обозначающих части тела человека) в более абстрактные, грамматические, в результате чего происходит метафорический перенос (Кубрякова, 2004: 55-56).

С помощью разных когнитивных метафор в различных языках одни и те же мыслительные процессы концептуализируются различными путями. Подробные исследования этих пространств и типов метафор рассматриваются зарубежными учеными (Heine, 1997; Hopper, Traugott, 2003).

По мнению Болдырева Н.Н., концептуализация представляет собой осмысление поступающей информации, включает мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека единиц знания), например, концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д.

В результате этого можно сделать вывод, что концептуальная метафора является одним из важных когнитивных механизмов, который основан на установлении связей между концептами или концептуальными структурами, которые относятся совершенно разным для нас областям знания (их ещё называют доменами) (Болдырев, 2014: 94).

Метафора — это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф, 2008: 105).

В отличие от традиционного «лингвистического» понимания метафоры, концептуальная метафора в интерпретации Дж. Лакоффа и др. является универсальным свойством мышления. Она не принадлежит лишь сфере языка и может выражаться как вербальными средствами (She has come to a crossroads in her life), так и невербально — в живописи, музыке, жестах и т. д. Таким образом, для теории концептуальной метафоры метафора — это процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, а затем находящий отражение в языковых структурах.

Другой способ анализа метафорических проекций предложен в теории блендов М. Тернером и Ж. Фоконье, в которой метафоризация — не установление однонаправленных связей между двумя разными областями знаний, а слияние ментальных пространств.

В следующем параграфе мы рассмотрим, как метафора отображается в различных областях человеческого знания.

1.3. Метафора в различных областях человеческого знания

Тайна метафоры привлекала к себе крупнейших мыслителей — от Аристотеля до Руссо и Гегеля и далее до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета и многих других. О метафоре было написано множество работ. О ней высказывались не только ученые, но и сами ее творцы — писатели, поэты, художники, кинематографисты. Нет критика, который не имел бы собственного мнения о природе и эстетической ценности метафоры.

Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания — герменевтику, философию, литературную критику, логику, психологию,

психоанализ, литературоведение, лингвистическую философию, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, разные школы лингвистики. И этот интерес к метафоре способствовал взаимодействию названных, направлений с научной точки зрения, их идейной консолидации, вследствие чего сформировалась когнитивная наука, которая занята исследованием разных сторон человеческого сознания. "В ее основе – есть предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума" (Петров, 1988: 27).

В последние десятилетия центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии (риторики, стилистики, литературной критики), в которой превалировали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта (Shibles, 1971: 49). В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора благодаря этому укрепила связь с логикой, с одной стороны, и с другой – мифологией.

Распространение метафоры в различных жанрах художественной, повседневной и научной речи заставляло авторов обращать внимание не только на эстетическую ценность метафоры, но и на предоставляемые ею утилитарные преимущества. Р. Хофман – автор ряда исследований о метафоре – писал: «Метафора исключительно практична. ... Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике.

Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» (Hoffman, 1985: 237). Среди ученых появлялось мнение о всемогуществе, всеприсутствии и вседозволенности метафоры, которое, наряду с отмеченным выше положительным эффектом, имело и некоторые отрицательные стороны. Представление о вездесущности метафоры отодвигало на последний план проблему ограничений на ее употребление в разных видах дискурса. Это привело к тому, что границы самого концепта метафоры стали размываться: метафорой стали называть любой способ косвенного и образного выражения смысла, бытующий в художественном тексте и в изобразительных искусствах – живописи, кинематографе, театре. Меньше стали обращать внимание и на различие между метафорой, которая используется в качестве номинативного приема, и собственно метафорой, имеющей двойственное представление о разных классах объектов. Метафора как техника и метафора как идеология во многих исследованиях анализируются совместно.

Философы и ученые романтического склада, искавшие истоки языка в эмоциональных и поэтических импульсах человека, напротив, считали метафору фатальной неизбежностью, единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Особенно категоричны и последовательны в этом отношении высказывания Ф. Ницше, на которых мы остановимся более подробно. Ницше писал: «Вещь в себе (ею была бы именно чистая, беспоследственная истина) совершенно недостижима... для творца языка и в его глазах совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами. Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полное погружение в совершенно другую и чуждую область... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей,

которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» (Ницше, 1912: 396).

С чем связано тяготение поэзии к метафоре? С тем, прежде всего, что поэт отталкивается от обыденного взгляда на мир, он не мыслит в терминах широких классов. Гарсиа Лорка, для которого характерна рефлексия над позицией поэта и поэтическим творчеством, писал: «Все, что угодно, – лишь бы, не смотреть неподвижно в одно и то же окно на одну и ту же картину. Светоч поэта – противоборство». Он освещает ему кратчайший путь к истине: «Когда прибегают к старому слову, то оно часто устремляется по каналу рассудка, вырытому букварем, метафора же прорывает себе новый канал, а порой пробивается напролом» (Гарсиа Лорка, 1986: 156).

Если взглянуть на поэтическое произведение сквозь призму диалога, то ему будет соответствовать не инициальная реплика, признаваемая обычно диалогическим «лидером», а ответ, реакция, отклик, часто отклик-возражение. Вполне естественно видеть в начале стихотворения «да» и особенно «нет»: *Да, я знаю, я вам не пара, / Я пришел из другой страны* (Н. Гумилев); *Да, этот храм и дивен и печален* (Он же); *Нет, не тебя так пылко я люблю...* (М. Лермонтов); *Нет, ты не прав, я не собой пленен...* (В. Ходасевич); *Нет, и не под чуждым небосводом, / И не под защитой чуждых крыл...* (А. Ахматова).

Не случайно поэзия часто начинается с отрицания, за которым следует противопоставление. Тому, кроме уже приведенных, есть много хрестоматийных примеров: *Нет, не агат в глазах у ней, / Но все сокровища Востока / Не стоят сладостных лучей / Ее полуденного ока* (Пушкин); *Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник...* (Лермонтов); *Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик - / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...* (Тютчев) (Маслов, 2005: 26).

Именно поэтому столь органически присущему поэзии принципу построена метафора. В ней заключено имплицитное противопоставление

обыденного видения мира, соответствующего классифицирующим (таксономическим) предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета. Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге. Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление. Из нее исключен содержащий отрицание термин. Однако без обращения к отрицаемой таксономии метафора не может получить адекватной интерпретации.

Метафора расцветает на почве поэзии, но ею не исчерпывается поэзия. Гарсия Лорка, однажды объяснивший существо поэзии через метафорический образ, в одной из своих наиболее пронизательных лекций «О воображении и вдохновении» (ее текст сохранился не полностью) говорил: «Для меня воображение – синоним способности к открытиям... Подлинная дочь воображения – метафора, рожденная мгновенной вспышкой интуиции, озаренная долгой тревогой предчувствия... Воображение поэтическое странствует и преображает вещи, наполняет их особым, сугубо своим смыслом и выявляет связи, которые даже не подозревались, но всегда, всегда, всегда оно явно и неизбежно оперирует явлениями действительности...; оно никогда не могло погрузить руки в пылающий жар алогизма и безрассудности, где рождается вольное и ничем не скованное вдохновение. Воображение – это первая ступень и основание всей поэзии» (Гарсия Лорка, 1986: 148).

Хотя в применении к изобразительным искусствам излишне говорить о метафоре, само обращение к этой теме небесполезно. Оно подводит к вопросу о месте метафоры в ряду других семиотических концептов, в частности о ее отношении к символу.

В основе метафоры и символа лежит образ. Образ – источник основных семиотических понятий, структура которых создается взаимодействием (органическим или конвенциональным) принципиально разных планов – плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого). И метафора и символ часто определяются через апелляцию к образу. Многие критики недифференцированно говорят о метафорике и символикe в индивидуальном стиле того или другого поэта. Можно встретить синонимическое употребление выражений метафорический образ и символический образ. Действительно, концепты метафоры и символа пересекаются. Их близость, основанная на ряде разделяемых признаков, усилена общей тенденцией литературной критики к расширительному употреблению терминов. Между тем, с точки зрения своего положения в иерархии семиотических концептов, метафора и символ не могут быть отождествлены (Арутюнова, 1988: 160).

Восходя к одному источнику – понятию образа, метафора и символ унаследовали от него ряд общих черт, отличающих их от центрального семиотического концепта – знака. Как и образ, метафора и символ возникают стихийно в процессе художественного освоения мира. Они относительно независимы от воли человека. Их значение нельзя считать полностью сформированным. И метафора и символ являются объектом скорее интерпретации, чем понимания.

Именно это свойство не позволяет им служить орудием коммуникации: ни символами, ни метафорами не передают сообщений. Ими нельзя отдать приказ или взять на себя обязательство. Они безадресатны. Это отличает их от знака. Знаком можно осуществить адресованный речевой акт: поздороваться и попрощаться, пригласить войти или выдворить вон, пригрозить или предостеречь. Ни символ, ни метафора не могут войти в те контексты, в которых имя знак эквивалентно высказыванию, включающему коммуникативную цель (иллокутивную силу). Концепт знака связан с прагматикой речи. Знак – орудие в руках человека. При помощи знаков

общаются и регулируют межличностные отношения. Метафора и символ не инструментальны, как не инструментален образ.

Отправляясь от образа, метафора и символ «ведут» его в разных направлениях. В основе метафоры лежит категориальный сдвиг, заглушающий ее образность. В свою очередь этому способствует предикатная позиция, выдвигающая на первый план семантический, а не референтный аспект слова. Поэтому метафора делает ставку на значение, которое постепенно приобретает отчетливость и может войти в лексический фонд языка. В символе, для которого не характерно употребление в предикате, напротив, стабилизируется форма. Она становится проще и четче. Ее легко узнать. Метафора не просится на бумагу. Символ тяготеет к графическому изображению. Не случайно словник словаря символов, замысленного П. А. Флоренским, состоит из названий геометрических фигур, а единственная статья, написанная им для этого словаря, посвящена точке (Арутюнова, 1988: 161).

В метафоре сохраняется целостность образа, который может отойти на задний план, но не распасться. Символ ведет себя иначе. Вследствие общей тенденции к упрощению означаящего символическую значимость может получить отдельный признак образа – его цвет, форма, положение в пространстве. Распадение образа на символические элементы дает возможность его прочтения. Образ превращается в «текст». Хотя символы (как и метафоры) взаимонезависимы, они допускают консолидацию в систему. Цветовая символика может образовать свой «язык» (код). В этом случае интерпретация символов приближается к их пониманию, основанному на знании кода. Такая ситуация характерна для иконописи (шире, ритуальной символики).

Схематизация означаящего в символе делает его связь со значением менее органичной. Это кардинально отличает символ от метафоры, в которой отношения между образом и его осмыслением никогда не достигают полной конвенционализации (Арутюнова, 1988: 162).

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ концептуальной метафоры был сделан ряд выводов.

1. При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта посредством другого и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным процессам (областям чувственного или социального опыта).

2. Метафора существует во всех понятийных системах людей. Для человека существует огромное множество понятий, которые могут быть абстрактными или совершенно не определяться в опыте (эмоции, идеи, время и т. п.). Но для их понимания у нас возникает необходимость использовать другие концепты, которые осознаются более четко (пространственная ориентация, объекты и т. п.).

3. Когнитивный подход даёт нам возможность описать сложные процессы передачи и обработки информации, которые связаны с использованием языка, участвующие в организации знания и представления о мире.

4. Когнитивная метафора (концептуальная метафора; *cognitive/conceptual metaphor*) – это одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику когнитивная метафора отвечает за способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов.

ГЛАВА II. Концептуальная метафора «Путь-Way» в произведениях Дж.Голсуорси, Ш. Бронте, А. Конан Дойла

2.1. Концепт «Путь» в работах лингвистов-когнитологов

Как указывают исследователи, концепт *way* (*путь*) характеризуется весьма сложным характером своей многослойной и многокомпонентной структуры, как в русском, так и в английском языке.

В работах отечественных лингвистов выделяются следующие характеристики репрезентантов рассматриваемого концепта: *way*, *road*, *path*.

Денотат слова *path* с одной стороны может быть представлен как *объект* различных действий: *выбора, места, совершения каких-либо действий*, при этом он может вносить информацию о *геометрических параметрах, степени выраженности, местоположении, а также административной принадлежности*; с другой стороны денотат слова *path* может быть выражен *субъектом* различных событий, при этом, акцент может делаться *на траектории, на цели движения, на характере взаимодействия со сходными объектами* (Головина, 2010: 25).

Как *объект path* может акцентировать внимание *на материале изготовления* – (a gravel path; a slab path); *на геометрических параметрах* – (a narrow path); *на её значимости в ряду прочих идентичных объектов* – (the big main path).

В свою очередь денотат слова *path*, как и *footpath*, с одной стороны, может быть представлен как: *объект выбора* – (to take/follow a path); *объект, строительства / созидания* – (to lay down a path= to construct a path); с другой стороны, слово *path* может быть *субъектом* различных событий и выполнять свои базовые функции, при этом акцент, как правило, делается *на цели*

движения – (a path leads/comes/follows), а также *на характере движения* – (a path runs).

На основе проведенного опроса было установлено существенное отличие слова *footpath*. В отличие от *path*, слово *footpath* маркировано и его денотат реализует базовую функцию *пешеходной дорожки (тротуара)*.

Как показали исследования, проведенные Головиной М.А, существенным отличием слова *way* от *road* является, тот факт, что, во-первых, слово *way* представляет свой денотат предназначенным для реализации только базовых функций, а, во-вторых, абстрагировано от материала изготовления, в нем выражается только основная функция (как в слове – *to go*) (Головина, 2010: 20).

В русском языке денотат слово *дорога* представляет собой *объект* различных действий, а именно *объект выбора, места, совершения каких-либо действий* (*выбрать дорогу, встретиться на дороге, выводить на дорогу*), при этом он может вносить информацию о *характеристиках дороги* (*долгая – близкая, трудная – легкая, кривая – прямая, узкая – широкая, сухая-мокрая*); денотат слова *дорога* также может быть представлен *субъектом* различных событий, и выполнять свои базовые функции, при этом, акцент может делаться: *на траектории движения* – (дорога разветвляется); *на характере её взаимодействия со сходными объектами* – (ведущая дорога); *на цели движения* – (дорога ведет к чему-либо); *на характере движения* – (дорога петляет) (Дрыга, 2010: 17).

Анализ художественного текста позволил С.Г. Дрыга определить объем концепта на индивидуально-авторском языковом уровне. Специфика индивидуально-авторских концептов «путь» А.С. Пушкина и С.А. Есенина заключается не только в уникальных смысловых приращениях, но и в наличии в их смысловой структуре национально-культурных (универсальных, коллективных) черт, которые в художественных текстах авторов особым образом трансформируются и переосмысливаются. В индивидуально-авторских картинах мира А.С. Пушкина и С.А. Есенина совмещаются национально-

культурные, общепозитические и индивидуально-авторские особенности концептуализации.

Регулярными приращенными значениями индивидуально-авторского концепта «путь» в творчестве А.С. Пушкина являются следующие: «дорога – жизнь», «дорога – прожитые годы», «дорога – сфера деятельности», «дорога – путь к смерти» и др., которые в целом укладываются в традиционные для XIX в представления об анализируемом фрагменте действительности. Особенность концептуализации в индивидуально-авторской картине мира С.А. Есенина заключается в присутствии в структуре концепта «путь» целого ряда традиционных приращений («дорога – жизнь», «дорога – путь к смерти») (Дрыга, 2010: 19).

Таким образом, рассмотрев концепт *путь* (*way*) в рамках двух языков, мы пришли к выводу, что его значение может быть связано как с *объектом*, так и с *субъектом* различных действий.

В результате анализа фразеологических контекстов, содержащих лексему дорога, выделены следующие приращенные значения: а) жизнь — дорога, изобилующая опасностями и соблазнами; б) судьба человека – выбранная дорога; в) дорога – тяжелое испытание, требующее напряжения внутренних сил, ума и предусмотрительности; г) дорога – испытание дружбы, верности, товарищества; д) пройденная дорога – это пример для идущих следом; е) дорога – простор для деятельности; ж) дорога – путь к смерти, на «тот свет»; з) предложная форма «при дороге» актуализирует значение незащищенности, беспокойности; и) устойчивое сочетание «на большой дороге» раскрывает значение «воровство», «грабеж»; к) фразеологические сочетания с компонентами «поперек дороги», «перейти/перебежать дорогу» актуализируют значение «создавать трудности, не давать возможность что-либо сделать и т.п.» и др.

Исследование фразеологических единиц, содержащих лексему путь, показало, что часть приращенных значений данной лексики,

актуализирующихся в пословицах и поговорках, сходны со значениями лексемы дорога, описанными выше: а) жизнь — путь, изобилующий опасностями и соблазнами; б) путь — тяжелое испытание, требующее напряжения внутренних сил, ума и предусмотрительности; в) пройденный путь — это пример для идущих следом; г) путь — дорога к смерти, на «тот свет». Перечисленные приращенные значения в целом совпадают со значениями, характерными для лексемы дорога, или развивают их, однако не являются основными в силу немногочисленности контекстов, репрезентирующих данные смыслы. Гораздо более частотными являются следующие смыслы: а) путь — нечто правильное, хорошее, благое; б) путь — верное направление (часто о жизни).

2.2. Природа концептуальной метафоры «Путь-Way»

Концептуальная метафора — это описание неизвестного через известное (абстрактного — через конкретное) в результате обращения к другому концепту или концептуальной области. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа концептуальных метафор: ориентационные, когда одна система концептов воспринимается или строится относительно другой системы (заглянуть в будущее), структурные, когда один концепт структурируется в терминах другого (жизнь — игра), онтологические, когда концепт недискретной или абстрактной сущности воспринимается как материальный объект или вещество, то есть один концепт воспринимается по способу восприятия другого (теплое дыхание весны). (Болдырев, 2014: 101)

В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона К.М. моделируется как взаимодействие двух когнитивных структур или областей: области источника (source domain) и области цели (target domain). Область цели структурируется

по подобию области источника, т.е. между ними устанавливаются метафорические проекции (metaphorical mappings). Например, в основе семантики выражения «быть в начале жизненного пути» находится метафора Life is Journey. Здесь область цели, то есть то, что в действительности описывается (ЖИЗНЬ), уподобляется области источника (ПУТЕШЕСТВИЮ):

ПУТЕШЕСТВИЕ	ЖИЗНЬ
Начало пути	Рождение
Конец пути	Смерть
Достижение пункта назначения	Достижение цели
Перекресток	Необходимость выбора
Препятствие	Трудности
Попутчики	Партнеры, друзья

По мнению сторонников теории концептуальной метафоры, данная концептуальная метафора относится к универсальным базовым метафорам, которые можно обнаружить во многих языках (*Он только начинает жизнь. — He is beginning life's journey; конец жизненного пути — the end of the road*) (Лакофф, Джонсон, 1988: 12-15).

Современная теория метафоры видит в метафоре важную ментальную операцию как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек при помощи метафор мыслит и познает мир, в котором он живет.

Новый взгляд на метафору привел к разработке категории когнитивной или концептуальной метафоры. Как отмечает Т.Г. Скребцова: «Преимущества когнитивного подхода к традиционным метафорическим преносам, заключается в новом подходе к самому механизму создания метафоры: важен не непременно «общий семантический компонент двух сравниваемых объектов», а разнообразные и сложные формы взаимопроникновения

концептуальной, языковой и художественной (литературной) сфер» (Скребцова, 2000; 2011).

Метафора является ключом к пониманию форм представления знаний (Телия, 1988: 173). Чаще всего метафора позволяет нам осмыслить абстрактный по своей природе неподдающийся структурированию предмет при помощи более конкретного и структурированного. Природа метафоры не языковая, а концептуальная (Арутюнова, 1990: 296-297). Метафоричность мышления проявляет себя в метафоричности языка. Интерпретация метафор происходит благодаря наличию системы базовых концептов, которые являются общими для всех членов какого-либо сообщества.

Анализ работ по когнитивной лингвистике позволяет утверждать, что в соответствии с наиболее распространенным подходом, основной целью когнитивного направления является установление и описание моделей концептуализации объективной реальности в зависимости от особенностей мироощущения и мировосприятия, как отдельного индивида, так и культурного сообщества в целом. «В отличие от предыдущих подходов применение идей когнитивизма в лингвистике предполагает отказ от строгого вычленения границ отдельных значений полисемантической лексики и противопоставления различных стилистических средств по сходству, смежности и другим традиционным параметрам» (Скребцова, 2000: 84).

Путь – это не просто перемещение во времени и пространстве, это символ, обозначающий изменения. Понятие «жизненный путь» – это метафора, неразрывно связывающая длительность времени с длительностью пространства. Представление об этой связи присутствует в физике (термодинамика, теория относительности), в философии (Хайдеггер, Гуссерль, понятие историчности), в литературоведении (Бахтин). Метафора жизни как путешествия концептуальна для европейской культуры: соответствие жизни и пути является устойчивым и зафиксировано в языковой культурной традиции общества, оно даже не воспринимается как метафора, что и подтверждает ее

универсальность и конвенциональность. Ассоциация жизни с путем отражена во многих языковых конструкциях (например, «в его жизни было несколько поворотных моментов», «жизнь прожить – не поле перейти»), она встроена в когнитивные представления европейца о мире и структурирует его мышление (Логинова, Карпинский, 2012: 254).

Сам по себе смысл образа пути в искусстве, особенно это появляется в художественной литературе, всегда больше, нежели просто обрамление истории, он имеет психологическое измерение, которое отражает внутриличностные перемены персонажей. В работах М.М. Бахтина связь времени и пространства является основным предметом его исследований, работы которого внесли огромный вклад в психологию. В его работах вводится понятие хронолога – время и пространство связаны между собой, освоены в художественной литературе. В литературно-художественном хронологе «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространственно же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Основные приметы времени отображаются в пространстве, и пространство переосмысливается и начинает измеряться временем» (Бахтин, 1975: 121). Бахтин выделяет функции, которые выполняет хронолог в романе.

Хронолог определяет жанр и жанровые разновидности художественного произведения; как формально-содержательная категория он в значительной мере определяет образ человека в литературе. Можно предположить порождающую роль этой мысли по отношению к положениям нарративного подхода, утверждающего наличие у нарративов жанров, которые задают основные характеристики и ограничения сюжета, обстоятельств, героя и итога жизненной истории человека (Логинова, Карпинский, 2012: 226)

Хронолог дороги всегда связан с личностным развитием героя. «Для романа прежде всего характерно слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путём-дорогой, то есть со странствованиями. (...) Реализация метафоры жизненного

пути в разных вариациях играет большую роль во всех видах фольклора. Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути; перекресток – всегда поворотный пункт жизни фольклорного человека; выход из родного дома на дорогу с возвращением на родину – обычно возрастные этапы жизни (выходит юноша, возвращается муж); дорожные приметы – приметы судьбы и проч. Поэтому романский хронотип дороги так конкретен, ограничен, так глубоко проникнут фольклорными мотивами» (Бахтин, 1975: 157).

Хронотип дороги выполняет функцию сконцентрированного социального пространства для героя. «"Дорога" – преимущественное место случайных встреч. На дороге («большой дороге») пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Это точка связывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и как бы течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический путь» и проч.; метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени» (Бахтин, 1975: 276).

Эту же похожую ситуацию пути и жизни мы встречаем у исследователей других форм искусства. Так, например, У. Бишофф при составлении анализа живописи Э. Мунка пишет о том, что для данного художника структура

пространства является метафорой действий, происходящих в душе героя. «Два полотна — Заснеженная дорога и Убийца на дороге — убедительно показывают ту самую способность Мунка объединять пейзаж и фигуры в одно целое. Пейзаж Мунка настроен на то, чтобы передать человеческую суть: визуальная идиома художника трансформировала пейзажные сцены в пейзажи души» (Хофман, 1985: 302). Однако это не специфическая особенность Мунка: пейзаж является устоявшимся инструментом «психологического описания» в европейской культуре, позволяющим проанализировать внутренние переживания героя и/или автора картины. Достаточно вспомнить, например, «Прогулку заключенных» Ван Гога или «Витязя на распутье» Васнецова. Кроме того, существуют некоторые ситуации и «маршруты», широко популярные в живописи и имеющие огромное общекультурное и личностное значение и для художника, и для зрителя — например, путь из Вифлеема в Иерусалим или дорога на Голгофу, связанные с развитием не просто особенной истории героя, но с предпосылками становления всего христианского мира, с описанием грехов и искупления грехов. Также о том, что есть необходимость нести ответственность за совершаемые поступки и в определенной мере авторства своей жизни. Смысл состоит в том, что происходит совершение выбора и принятия последствий этих выборов.

Возвращаясь к теме дороги: в кинематографе иногда выделяется отдельный жанр «road movie», подразумевающий сюжет о путешествии героев и преодолении ими определенных испытаний, за которыми часто следует изменение в ценностях, поступках и мироощущении героев, но которые могут также кончаться смертью героя или открытым, неопределенным финалом (Жоль, 1984: 46).

Существует множество фильмов, в которых дорога является сюжетообразующим образом, связующим звеном между эпизодами, например: «Человек дождя» Барри Левинсона, «Достучаться до небес» Томаса Яна, «Дорога» Федерико Феллини и др.

Таким образом, в искусстве хронотип дороги организует основной сюжет, отражает изменения героя и служит для него социальным пространством. В силу своей привычности и конвенциональности дорога интернализируется, переходит во внутренний план и оттуда продолжает образовывать сюжет и выполнять другие функции — уже в жизни не героя, а читателя.

М. Кундера пишет в романе «Бессмертие»: «Прежде чем исчезнуть из ландшафта, дороги исчезли из души человека; он перестал мечтать о ходьбе, о пеших прогулках и получать от этого радость. Он уже и жизнь свою видел не как дорогу, а как шоссе: как линию, которая ведет от точки к точке, от чина капитана к чину генерала, от роли супруги к роли вдовы. Время жизни стало для него сущей преградой, которую нужно преодолеть все большими и большими скоростями». Метафоричность дороги, с одной стороны, усиливается, поскольку эта дорога переходит во внутренний план, с другой, наоборот, теряется, поскольку речь начинает идти даже и о настоящих дорогах.

По мнению Камеловой С.И., представляется уместным привести здесь предложенную архитектором М. Р. Савченко типологию освоения реального пространства. Это модель продвижения по анфиладе комнат, однако, она, как кажется, достаточно убедительно может быть переведена в ракурс освоения временного и психологического пространства жизни, а описанные типы могут отражать картину освоения не только пространства, но и опыта в целом, что перекликается с идеей о сюжетобразующей функции хронотипа.

Савченко для описания пространства вводит образ анфилады комнат с боковыми дверями, ведущими в другие помещения. Когда субъект попадает в эту анфиладу, стратегия его движения описывается четырьмя показателями: число пройденных комнат (объем); число повторных попаданий в одну и ту же комнату (память); число пройденных примыкающих дверей (возможности); длина всего маршрута, в каждой комнате расстояние от входа до выхода (длительность). В каждой стратегии движения один параметр становится

ведущим, а один из оставшихся минимизируется, таким образом, выделяются четыре стратегии с тремя тактиками внутри каждой.

Стратегия скитальца: стремление пройти как можно больше комнат и всюду побывать. Тактики: а) минимизация повторов, стремление к достижению новых мест (первопроходец); б) минимизация возможности, ограничение числа пройденных дверей, движение только вперед, поиск тупиковых комнат, освоение самых труднодоступных мест; в) минимизация длительности: освоение максимума самых быстродоступных мест. «Скиталец» напоминает человека, который постоянно ищет впечатлений и гонится за новизной, избегая глубокого присутствия в обыденной, «неновой» действительности.

Стратегия постояльца: стремление закрепить «владение» теми комнатами, где человек уже побывал. Тактики: а) стремление к тупиковым ситуациям (домосед); б) стремление к минимизации временных затрат («поскорее»); в) минимизация пройденных пространств («покороче»). «Постоялец» стремится к стабильности вплоть до монотонности, воссоздает ситуации «как всегда», для него важны постоянство и предсказуемость.

Стратегия владельца: максимизация возможностей пространства, т. е. числа освоенных дверей. Тактики: а) повышение возможности «поскорее»; б) повышение возможности «покороче»; в) повышение возможности «поновее». Основная цель попасть в такое место, откуда можно попасть во множество других мест, т. е. приобретение максимума доступных возможностей.

Стратегия ценителя: максимизация длительности присвоения, ценится не пространство, а сам факт пребывания в нем. Тактики: а) минимизация преодоленных пространств; б) минимизация новых пространств; в) минимизация потенциально богатых пространств. Т. е. это ориентация на избегание расширения опыта и наслаждение имеющимся без попыток повысить число возможностей, впечатлений или даже повторов (Камелова, 1997: 58-60).

Несмотря на то, что эта классификация взята из исследования по психологии среды, она представляется интересной и адекватной при

обсуждении темы освоения человеком своего жизненного пути. Стилль передвижения может быть соотнесен с внутренними процессами личности в аспекте освоения опыта. Очевидна метафоричность пространственного перемещения и стратегий жизнетворчества человека.

Сама идея о том, что метафора концептуальна по своей природе, не является абсолютно новой. В обзоре, посвященном концептуальной метафоре, представлен экскурс в историю данного феномена, в котором указывается, что еще Аристотель «в своем детальном исследовании образного языка говорил (что для многих исследователей его творчества покажется новым), что при метафоризации как переносе некоторого признака как одного объекта к другому, данный процесс осуществляется на основе концептуальных отношений – категориальных или по аналогии» (Шабанова, 1999: 161).

И. Ричардс в работе 1936 года утверждал, что «мышление метафорично ... и отсюда [из мышления] происходят языковые метафоры», а К. Льюис предположил, что понимание одной истории фигурально, посредством другой истории, относится не столько к процессам выражения, и не столько к литературе, сколько к мышлению в целом, и представляет собой основной когнитивный инструмент (подробнее о предпосылках формирования концептуального подхода к метафоре (цит. по Шабанова, 1999: 161 – 162).

В обзоре по концептуальной метафоре также акцентируется внимание на данной особенности. Метафора определяется как понимание и ощущение одного явления в терминах другого, «при этом под явлением понимается не отдельно изолированный объект, как в случаях традиционного подхода к метафоре, а целостная картина видимого реального мира, которая используется для репрезентации и осмысления объемного и многоаспектного явления» (Шабанова, 1999: 159 – 160).

2.3. Способы актуализации концептуальной метафоры «Путь-Way» в контексте художественной литературы

Обращение к контексту художественной литературы позволяет утверждать, что рассматриваемая концептуальная метафора представлена несколькими моделями. Помимо базовой, уже рассмотренной ранее модели «путь – жизнь», можно выделить более частные варианты: «путь – любовь», «путь – обучение», «путь – профессиональный рост, карьера», «путь – воспитание ребенка», «путь – болезнь».

Самыми распространенными компонентами базовой метафоры «путь – жизнь» являются лексемы, обозначающие рождение, смерть, свадьбу, знаменательное событие, путешествие. И некоторые из них показывают, что жизнь человека рассматривается как путь, его начало, окончание, преграды, препятствия, конечные цели, попутчики. Существует большое число довольно частотных выражений, построенных на основе данной метафоры:

1) 'Our relations have reached a dead end.' (BNC).

Наши отношения зашли в тупик.

2) 'Look how far we have come.' (BNC).

Посмотри, как мы далеко зашли.

3) 'It's been a long and bumpy road.' (BNC).

Это был длинный и неровный путь.

4) 'We cannot turn back now.' (BNC).

Мы не можем сейчас повернуть назад.

Но еще больше примеров описания различных жизненных ситуаций как этапов пути мы находим в художественной литературе. Рассмотрим некоторые из них.

В первом примере описывается сложный период в семейных отношениях, период взаимных упреков и недопонимания, который автор сравнивает с неровной каменистой дорогой:

5) ‘We were very weary with the stony and irregular journey, but our nerves were too strung to allow us to halt’ (Дж. Голсуорси).

Далее мы видим описание жизненного пути уже не одной семьи, а всего рода Форсайтов, в котором насчитывалось несколько поколений:

6) ‘When a Forsyte was engaged, married, or born, the Forsytes were present; when a Forsyte died — but no Forsyte had as yet died; they did not die; death being contrary to their principles...’ (Дж. Голсуорси).

7) ‘Rumours and tales, reports, surmises — were they not the children of the house, as dear and precious as the prattling babes the brother and sisters had missed in their own journey?’ (Слухи и толки, пересуды, предположения наполняли дом жизнью, были дороги и милы сердцу, как те малютки, лепета которых не хватало брату и сестрам на их жизненном пути.) (Дж. Голсуорси).

В приведенном ниже предложении к метафоре пути обращается переводчик, что позволяет ему достичь большей степени эквивалентности за счет использования данного образа.

8) ‘...he never spoke of a distaste born perhaps by the perverse processes of Nature out of a secret fund of brutality in himself...’ (... которое природа окольными путями вывела, быть может, из таившейся в нем самом жестокости...) (Дж. Голсуорси).

9) ‘We thought with bitter hearts about that unexpected obstacle.’ (Дж. Голсуорси).

10) ‘To Forsyte eyes Bosinney appeared to have no habitat, he seemed one of those rare and unfortunate men who go through life surrounded by circumstance, property, acquaintances, and wives that do not belong to them.’ (На взгляд Форсайтов, Босини жил без такой оболочки; по-видимому, он принадлежал к тому редкостному и незадачливому типу мужчин, которые шествуют по своему

пути в окружении обстоятельств чужой жизни, чужого имущества, чужих знакомых и чужих жен) (Дж. Голсуорси).

В данном примере неожиданно возникшая сложная ситуация сравнивается с препятствием, возникшим на жизненном пути героя. Еще более яркий пример метафорического представления сложной жизненной ситуации мы встречаем у Ш. Бронте, где слабости героини изображены в виде злобных тигров, встретившихся на ее пути:

11) 'I should have had one vital struggle with two tigers jealousy and despair...' (Ш. Бронте).

Роман «Городок» строится таким образом, что уже в первых главах его звучит предсказание об ожидающих Люси на ее жизненном пути испытаниях и утратах. В начале этого пути в доме миссис Бреттон тихую и молчаливую Люси Сноу почти не замечают. Центром внимания, препятствием на её пути, становится маленькая Полли, которая своим появлением оттесняет Люси на задний план, всецело завладевая вниманием молодого Бреттона. Впоследствии такая же ситуация повторится, и Полина де Бассомпьер станет невестой доктора Бреттона, вытеснив из его сердца Люси.

Впервые в жизни оказывается Люси в Лондоне, таком многолюдном, но для нее чужом и пустынным. Вид на огромный город с высоты собора св. Павла рождает в ее душе ощущение свободы и восторга. У Люси появляется уверенность, что она может и должна идти только вперед, что она сможет найти свою дорогу в жизни. Это страстное желание найти свой путь, обрести и утвердить себя во враждебном ей мире поддерживает Люси в борьбе со всеми трудностями.

12) 'I must go ahead.' (Ш. Бронте).

В произведении А.К. Дойла «Затерянный мир» метафора «Путь – Way» раскрывается на фоне базового концепта «Путь», так как в центре повествования – путешествие, экспедиция, участники которой ставят перед собой очень разные цели.

Молодой ирландец Эдуард Дан Мелоун, сотрудник лондонского издания «Дейли-газетт», влюблён в очаровательную Глэдис Хангертон. Он пытается признаться ей в любви, но та пресекает эту попытку. Девушка мечтает быть женой, верной спутницей и единомышленницей прославленного героя, чтобы отблеск его славы падал и на неё. Глэдис заявляет, что отдаст руку и сердце только такому мужчине. Решив непременно совершить выдающийся подвиг, Мелоун отправляется к редактору отдела «Последние новости» с просьбой дать ему поручение, сопряжённое с «приключениями и опасностями». Следующие примеры представляют определенный период жизни героя как увлекательное приключение:

13) ‘At least I have been driven forth to take part in a wondrous adventure, and I cannot but be thankful to the force that drove me.’ (А. Конан Дойл).

В следующем примере переводчик, напротив, опускает в русском варианте метафорическое представление любви как пути или путешествия:

14) ‘Did I not, even at the time when I was proud to obey her behest, feel that it was surely a poor love which could drive a lover to his death or the danger of it?’ (Не чувствовал ли, с гордостью повинаясь ее велению, что немногого стоит та любовь, которая шлет человека на верную смерть или заставляет его рисковать жизнью?) (А. Конан Дойл).

В следующем примере автор сравнивает окончание жизненного пути со смертью:

15) ‘Ann was an old woman, but death had come to her at last — death came to all! His face did not move, his gaze seemed travelling from very far.’ (Энн была совсем дряхлая, и смерть наконец пришла за ней – смерть приходит за всеми! Лицо Джолиона было неподвижно, взгляд его блуждал где-то очень далеко.) (Дж. Голсуорси).

16) ‘He alone of those in the room remembered the death of his mother, and though he looked at Ann, it was of that he was thinking. Ann was an old woman, but death had come to her at last — death came to all! His face did not move, his gaze

seemed travelling from very far.’ (Он единственный из всех находившихся в комнате помнил смерть матери, о ней он и думал, глядя на Энн. Энн была совсем дряхлая, и смерть, наконец пришла за ней – смерть приходит за всеми! Лицо Джолиона было неподвижно, взгляд его блуждал где-то очень далеко) (Дж. Голсуорси).

17) ‘Swithin opened his eyes at the mention of Robin Hill; it was a long way for his horses...’ (Суизин вытаращил глаза, услышав о Робин-Хилле; для его лошадей это был солидный конец...) (Дж. Голсуорси).

В этом примере автор имеет в виду, что при рождении передавалось чувство собственности:

18) ‘... that great class to whom she was affiliated, not precisely perhaps by manner, but by birth, breeding, and the true, the secret gauge, a sense of property...’ (у людей того великого класса, принадлежность к которому ей обеспечивали если не манеры, то рождение, воспитание и самая верная, скрытая от глаз печать – чувство собственности.) (Дж. Голсуорси).

Рассмотрим следующее предложение:

19) ‘Her eyes grew steady with anger, like old Jolyon’s when his will was crossed.’ (Гнев придавал ее взгляду решительность; такой взгляд бывал у старого Джолиона, когда его воля встречала какие-нибудь препятствия на своем пути) (Дж. Голсуорси).

Здесь метафора, обозначающая препятствие, придает большую степень уверенности и непоколебимости перед судьбоносными моментами, которые встречаются на пути героя.

В данном случае погребальный обряд моделирует путь умершего (*души*) в мир *родителей*:

20) ‘The service in the chapel over, the mourners filed up again to guard the body to the tomb.’ (Служба в часовне кончилась, и провожающие снова выстроились в ряды, охраняя путь умершей к могиле.) (Дж. Голсуорси).

В приведенном ниже предложении автор сравнивает перемены в жизни семьи Форсайтов с рождением искусства:

21) ‘...the decline of country life and increase of the towns; the birth of the Cinema...’ (упадок деревни и рост городов; рождение кино...) (Дж. Голсуорси).

В данных примерах метафора «Путь – Way», из произведения Артура Конана Дойла «Затерянный мир», представляет собой путешествие, то есть разные виды путешествий, которые можно совершить с помощью машины, по морю, на поезде, на самолете, на корабле и других всевозможных транспортах:

22) ‘We're at a crossroads.’

Мы на перепутье.

23) ‘We'll have to go our separate ways.’

Мы должны идти каждый своей дорогой.

24) ‘I don't think this relationship is going anywhere.’

Я не считаю, что эти отношения к чему-нибудь приведут.

25) ‘Where are we now?’

Где же мы сейчас?

26) ‘We are stuck.’

Мы застряли.

27) ‘This relationship is a dead-end street.’

Эти отношения заведут нас в тупик.

28) ‘We are spinning our wheels.’

Мы стоим на месте.

29) ‘Our marriage is on the rocks.’

Наш брак разбился о скалы.

30) ‘We have gotten off the track.’

Мы сошли с колеи.

31) ‘This relationship is foundering.’

Эти отношения терпят крах (буквально идут ко дну).

К примеру, если мы путешествуем на машине, то это может трактоваться как долгая ухабистая дорога, тупиковый путь или прокалывание колес. Если же на поезде, то сойти с колеи. Если по морю, то разбиться о скалы или пойти ко дну.

Итак, мы видим, насколько может быть разнообразным мотив путешествия в художественной литературе. Самое главное то, что оно имеет точку отсчета и цель, которые неразрывно связаны воедино.

32) ‘Their marriage is dead — it cannot be revived.’ (BNC).

Их брак умер — его нельзя воскресить.

33) ‘This marriage is on the mend.’ (BNC).

Этот брак улучшается (букв, идет на поправку).

34) ‘He has had a full life.’ (К. Дойл).

Она жила полной жизнью.

Путешествие может определять наш дальнейший путь, к примеру:

35) ‘He strayed from the path.’ (К. Дойл).

Мы сбились с пути.

36) ‘He's gone off in the wrong direction.’ (К. Дойл).

Он идет не в ту сторону.

37) ‘They're following us.’ (К. Дойл).

Они следуют за нами.

38) ‘I'm lost.’ (К. Дойл).

Я заблудился.

39) ‘You're going around in circles.’ (К. Дойл).

Мы ходим по кругу.

Кроме того, пути могут восприниматься как некоторые поверхности (можно привести пример ковра, который раскручивается перед нами, таким образом, показывая нам путь), к примеру:

40) ‘He's on our trail.’ (К. Дойл).

Он напал на наш след.

41) 'He strayed off the trail.' (BNC).

Он сбился со следа.

42) 'We went back over the same trail.' (BNC).

Мы пошли обратно по тем же следам.

43) 'So far, we haven't covered much ground (progress, content).' (К. Дойл).

До сих пор мы недалеко ушли (букв, покрыли небольшую площадь).

Однако при всей оригинальности высказываний метафора «Путь – Way» нуждается в дальнейшем исследовании и изучении. На это есть свои причины. Само словосочетание «путь жизни человека» звучит достаточно информативно. Оно уже несет в себе весь смысл, по какому пути идет человек. И действительно то, что раскрывая путь жизни человека, нельзя пройти мимо его закономерностей развития.

Таким образом, метафора «Путь – Way» представляется одной из наиболее продуктивных моделей, к которым обращаются авторы англоязычных художественных произведений, воздействуя на эмоции и эстетические чувства читателя.

Выводы по ГЛАВЕ II

В результате рассмотрения особенностей реализации концептуальной метафоры «Путь – Way» был сделан ряд выводов:

1. Путь для многих народов мира является универсальной моделью мира. Концепт ПУТЬ является одним из центральных компонентов в структуре представления человека об окружающей действительности.

2. Основными ключевыми концептами модели концептуальной метафоры «Путь – Way» являются: начало пути, конец пути, достижение пункта назначения, перекресток, препятствие, рождение, смерть, достижение цели, необходимость выбора, трудности, партнёры и друзья.

3. Модель концептуальной метафоры «Путь – Way» подразделяется на отдельные субмодели путешествие (начало пути, конец пути, достижение пункта назначения, перекресток, препятствие, рождение, смерть, достижение цели, необходимость выбора, трудности, партнёры, друзья), каждая из которых обладает своим набором концептуальных проекций. Центральной концептуальной проекцией является путешествие (Life is a Journey).

4. В английской литературе обнаруживается большое количество примеров реализации концептуальной метафоры «Путь – Way». Контексты такого рода мы находим как в оригинальных текстах художественных произведений, так и в их переводах.

5. В произведениях Дж. Голсуорси многократное обращение к рассматриваемой концептуальной метафоре обусловлено композиционной спецификой: перед читателем предстают несколько поколений одной семьи, проживающих свою жизнь (проходящих свой путь) по-разному, и вместе с тем, подчиняясь одним и тем же законам.

6. Голсуорси никто как другой смог увидеть в семейной драме её социальное значение. Вместе с тем в изображении этой драмы, как и в лучшем

воплощении форсайтизма в живых образах, заметно чувствуется, что писатель смог познать форсайтский мир «изнутри». Различные биографические данные говорят о том, что к этому миру принадлежала и та семья, в которой вырос Джон Голсуорси. Многие из того, что изображено в «Собственнике» и в другом романе, «В петле», пережито и выстрадано им самим. Эти переживания роднят его с выразителем его мыслей в романе – молодым Джолионом, который ушел от семьи во имя «недозволенной», по форсайтским нормам, любви, посвятил себя живописи – компрометирующему, с точки зрения Форсайтов, занятию Голсуорси также сошел с предначертанного ему отцом пути, отказавшись от респектабельной карьеры адвоката и избрав предосудительную в глазах буржуазной семьи профессию писателя.

7. Тяга к драматическому развитию сюжета всё более отчётливо проявляется в саге с каждой последующей книгой. Голсуорси постоянно ставит Сомса перед необходимостью выбора. Наибольший трагизм случается тогда, когда ему предстоит выбрать между рожаящей женой и ребёнком. Каким бы не было мнение Сомса, его беды на этом не закончатся. Ему ещё предстоит испытать много неприятных моментов, связанных с дочерью, существование которой Голсуорси наполнил такими же метаниями, каким был подвержен её отец. На благе Форсайтов продолжать строить повествование не имеет смысла, поэтому Голсуорси вновь вносит разлад в семью, заимствуя сюжет из древности, заставляя полюбить друг друга детей враждующих людей.

8. Роман Шарлотты Бронте "Городок" – это история молодой англичанки Люси Сноу, рано осиротевшей, оказавшейся в полном одиночестве, без средств к существованию. Героине приходится преодолеть много трудностей, столкнуться с лицемерием и несправедливостью, пережить тяжелые разочарования, утрату иллюзии и крушение надежд на счастье. В широком плане "Городок" – роман о становлении личности. Метафора «Путь – Way» в полной мере раскрывается в данном художественном произведении, так как она здесь представлена сразу несколькими своими моделями. Это и путь

обретения любви, полный препятствий, и дружеские отношения. Но прежде всего это путь становления личности главной героини.

9. В произведении А.К. Дойла «Затерянный мир» мы структура метафоры «Путь – Way» ближе всего к исходному базовому концепту «Путь», так как в центре повествования – путешествие, экспедиция, с заранее определенной целью, намеченным маршрутом, средствами передвижения, попутчиками и другими обязательными компонентами. Но вместе с тем, на наш взгляд, возможно и метафорическое осмысление «путешествия», описанного в романе. Главный герой отправляется в путь, чтобы завоевать сердце любимой девушки. Однако, преодолев множество препятствий, он узнает, что девушка стала женой ничем не примечательного чиновника из почтовой конторы. Таким образом, здесь метафора «Путь – Way» реализуется своей моделью «путь – любовь».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая национальная литература имеет свой привычный устойчивый круг, содержащий традиционные образы и устойчивые мотивы. Дорога является древним образом-символом, который можно встретить и в фольклоре, так и в творчестве многих драматургов-писателей.

В литературе нет ни единого мнения о том, что может быть точкой отсчета жизненного пути. Многие предполагают, что может быть началом поступления на работу. Справедливо также начинать описание пути с характеристики семьи и в зависимости от воспитания от человека. Это все относится к поре раннего детства как начала жизненного пути.

Путь каждого человека противоречив и сложен: в нем могут сочетаться случайное и возможное, реализованное и необходимое. Эти сочетания очень индивидуальны и неповторимы для каждого человека.

Но при всей этой уникальности всегда существует то, что объединяет всех представителей данного класса в единое целое: общие общественные события, которые никогда и никого не оставят в стороне, общность интересов и потребностей.

У каждого есть возможность выбрать свой правильный путь, но не каждый может использовать эту возможность, более того в пути могут поджидать разнообразные препятствия. Иногда случается, что пути людей пересекаются, иногда дороги идут рядом. Люди могут идти рядом долго, если их цели одинаковы. Не стоит отчаиваться, если через некоторое время пути-дороги расходятся. В этом нет совершенно ничего страшного, потому что в жизни меняются приоритеты и цели.

Самое чудесное, что может произойти – это когда дороги соединяются воедино. Два человека объединяются, каждый из них начинает жить не только

ради себя, но и ради другого. Появляются общие цели и мечты. И тогда дорога становится одной на двоих, один путь, одна жизнь.

Данная работа была посвящена изучению специфики употребления концептуальной метафоры «Путь – Way».

Целью работы являлось изучение свойств концептуальной метафоры в англоязычной художественной литературе.

В первой главе было охарактеризовано понятие когнитивной и концептуальной метафор, указали их природу и свойства. Было дано определение концептуальной метафоры, механизмы ее образования, различные классификации и подходы к изучению языковых метафор.

Во второй главе была рассмотрена структура концептуальной метафоры «Путь – Way», а также были приведены примеры ее реализации в англоязычной художественной литературе.

В результате мы пришли к выводу, что сама метафора не может быть ограничена только лишь сферой языка, так как процессы человеческого мышления по своей специфике метафоричны. Как языковое выражение метафора может быть представлена, потому что она существует в понятийной системе человека. Когнитивные метафоры облегчают процессы нашего мышления, так как когнитивная метафора предоставляет определенные рамки для освоения и приобретения новых абстрактных концептов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. От образа к знаку. - В кн.: Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988. С. 147 – 162.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 366.
3. Балаян Э.В. Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона). Дис. канд. филол. наук Саратов, 2006. – 222 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотипа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
5. Блэк М. Метафора: пер. с англ. // Теория метафоры / Общ.ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. - М.: Прогресс, 1990. – С.153-172.
6. Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке //Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Том 66. №1, янв. – фев. – С. 3-10.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ.филологии. — Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2014. – 111с.
8. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания //Вопросы когнитивной лингвистики, 2006. – №2. – С. 5-22.
9. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – 2007. – №1. – С. 6 – 16.
10. Введение в языкознание: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Филология" / Ю. С. Маслов ; Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та. - 4-е изд., стер. - Москва : АCADEMIA ; Санкт-Петербург : Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 300 с.
11. Гарсиа Лорка Ф. Избр. произв. в 2-х тт., – М., 1986. – Т. 1. – 412 с.

12. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. – С. 177-178.
13. Головина М.А. Концептуализация пути в современном русском и английском языках. Автореф. канд. дисс. Москва, 2010. – 25 с.
14. Дрыга С.Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира. Автореф. канд. дисс., Краснодар, 2010. – 23 с.
15. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. - Киев: Наукова думка, 1984. – 302 с.
16. Камелова С.И. О механизме формирования переносных значений // Облик слова: Сб. памяти Д. Н. Шмелева. – М., 1997. – С. 58-64.
17. Кокорева Н.И. О концептуальной природе метафоры и интертекста // «Юрьевские чтения»: Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Вып.1. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. – С.49-52
18. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
19. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
20. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. Вып. XXIII. - М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
21. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория Метафоры / под ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358 – 386.
22. Масленникова А.А. Особенности грамматической метафоры // Метафоры языка и метафоры в языке / А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова и др. / Под ред. А.В. Зеленщикова, А.А. Масленниковой. – СПб: СПбГУ, 2006. – 96 с.

23. Никитин М.Б. Метафорический потенциал слова и его реализация // Проблема теории европейских языков / Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева, Л.Б. Копчук. – СПб: Изд-во «Тригон», 2001. – С. 37-38.
24. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле. – М. – Т. 1. – 1912. – 396 с.
25. Ортони Э. Роль сходства и уподобления в метафоре: пер. с англ. // Теория метафоры / Общ.ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. - М.: Прогресс, 1990. – С.219-235.
26. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы. // "Вопросы языкознания", 1988. – № 2. – 41 с.
27. Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические, методические и прикладные проблемы : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; науч. ред.: Н. А. Логинова, К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 423 с.
28. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение: пер. с англ. // Теория метафоры / Общ.ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416 - 434.
29. Серль Дж.Р. Метафора: пер. с англ. // Теория метафоры / Общ.ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. - М.: Прогресс, 1990. – С. 307 -341.
30. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. – 2-е изд., стер. СПб.: Филол. фак-т. СПбГУ, 2004 . – 166 с.
31. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова. - СПб.: Анатолия, 2000. - 201 с.
32. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 256 с.
33. Смирнова М.А. Понятие «метафора» и подходы к ее изучению // Филология и литературоведение. 2014. № 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/09/960> (дата обращения 12.05.2016)

34. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. - М.: Наука, 1988. – С. 173-189.
35. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры: сб.: пер. с англ. — М.: Прогресс, 1990. — С. 106-108.
36. Харченко В.К. Функции метафоры: учебное пособие. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 4-е изд. – 91 с.
37. Шабанова Е.Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании (обзор) // «Реферативный журнал. Языкознание», 1999. – № 1. – С. 158-176.
38. Heine B. Profession: sources, forces and grammaticalization. – Cambridge, 1997. – 292 p.
39. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science. An Introduction to the ubiquity of metaphor. – Amsterdam, 1985. – 327 p.
40. Hopper P.J. and Traugott E.C. Grammaticalization. – Cambridge: Textbooks in Linguistics, Cambridge University Press, 2003. – 276 p.
41. Hoffman R.R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity, 1987. – 152 p.
42. Shibles W. Metaphor: An annotated bibliography and history. – Wisconsin: Whitewater the language press, 1971. – P. 23-204.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.296-297.
2. БЭС — Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 415 с.
5. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
6. British National Corpus. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения 12.05.2016)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Bronte Ch. Villette London: Everyman Publishers plc, 2002. – 657 p.
2. Doyle A.C. The Lost World: Книга для чтения на английском языке без сокращений. – СПб.: Химера, 2001. – 284 с.
3. Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book I: The Man of Property. – М.: Менеджер, 2005. – 384 с.
4. Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book III: To Let. – М.: Менеджер, 2004. – 384 с.